

Успех и неудача

Порой анархизм называют колоссальным разочарованием. Коммунаров, махновцев и испанских анархистов считают наивными борцами за благородные, но обреченные на провал идеи. Найти примеры неудавшихся донкихотских начинаний политологи также могут, взглянув на «вторую и третью волну» анархизма — «новых левых», движение за социальную справедливость, известное как «альтерглобализация», и движение Оссиру. Те, кто не находится в полном недоумении по поводу результатов деятельности этих движений, иногда полагают, что единственное реальное их достижение — это подпитка государства и капитализма. Пример тому — амстердамский план «Белый велосипед». В 1960-х годах голландская полиция конфисковала велосипеды, предоставленные анархистами в свободный доступ для общественного пользования; сегодня полицейские обязаны арестовывать тех, кто препятствует работе спонсируемой банками системы аренды велосипедов, действующей исключительно на платной основе. Или другой пример: призыв Джерри Рубина к расширению прав «Do It!» («Действуй!») 1960-х годов превратился в корпоративный рекламный слоган «Just Do It».

Ряд недавно проведенных исследований показывает, что опыт европейских анархистов не является определяющим для всего остального мира. Поэтому громкие заявления о нежизнеспособности и незначительности глобального движения не должны исходить из оценок деятельности анархистов в Европе. Есть и еще один важный момент: по каким критериям успешности можно судить об анархизме, если это движение недвусмысленно отвергает завоевание власти в качестве своей цели? Не правильнее ли будет оценивать анархистов по тому, насколько они смогли воплотить в жизнь свои идеалы? Если да, то можно смело утверждать, что они не сумели очистить землю от ядерного оружия, обеспечить мир во всем мире, избавить женщин от каждодневного насилия и искоренить голод. Однако неанархисты в этом тоже не преуспели, поэтому критиковать за это исключительно анархизм, не осуждая таким же образом либерализм, марксизм, республиканизм или консерватизм, было бы несправедливо — ведь если критика верна в принципе, она общеприменима. Возможно, в качестве оценочного теста имеет смысл посмотреть на то, как законодательно закреплялись анархистские нормы, например восьмичасовой рабочий день, доступ к противозачаточным средствам, смягчение семейного права или отказ от прохождения воинской службы по соображениям совести. Эти нормы приняты не во всем мире, не везде оказались успешными, а их принятие не является достижением исключительно анархистов. Однако в борьбе за эти цели анархисты заплатили немалую цену, отбывая наказания в тюрьмах, и, несомненно, сыграли свою роль в их реализации.

Анархисты часто игнорируют традиционные критерии успеха и неудач, уделяя куда больше внимания вопросам активности и настойчивости, нежели подведению итогов. В 1979 году Дэвид Портер писал, что у значительного числа активистов 1960-х годов опустились руки: «К сожалению, борьба за перемены слишком быстро высасывала энергию, а восполнять ее

было неоткуда». И добавлял, что в этом не было ничего нового: Бакунин испытывал те же самые чувства. Однако Портер отметил, что, «несмотря на депрессию, многие анархисты все-таки не сдавались»[345]. Стойкость — один из столпов успеха анархизма, хотя чаще всего она ассоциируется с воинственным патриотизмом в духе Черчилля. Высказывание, приписанное ему в финале фильма Джо Райта «Темные времена» (Darkest Hour) — «Успех — не окончателен, неудачи — не фатальны; единственное, что имеет значение, — это мужество продолжать борьбу», — хорошо выражает анархистскую концепцию победы и поражения. Возможно, судьям следовало подумать дважды, прежде чем отправить в тюрьму бывшего солдата, который в 2000 году превратил Уинстона Черчилля в панка, соорудив на голове памятника премьер-министру травяной ирокез. В том же духе высказывалась и Эмма Гольдман, предчувствуя конец своей наполненной борьбой жизни:

«Несмотря на нынешние тенденции к милитаризации, тоталитарным государствам или левой диктатуре, мои убеждения остались непоколебимы. Более того, их только укрепили мой личный опыт и мировые события, происходившие на протяжении многих лет. Я не вижу причин меняться... Как и раньше, я продолжаю настаивать на том, что свобода — это душа прогресса и неотъемлемая часть каждого жизненного этапа... Я верю в человека и в способность свободных людей объединять усилия.

Тот факт, что анархистское движение, за которое я так долго боролась, находится в состоянии некой неопределенности и отодвинуто на задний план философиями власти и принуждения, наполняет меня тревогой, но не отчаянием...

В этом контексте, думаю, моя жизнь и моя работа были успешными. То, что принято считать успехом — обогащение, захват власти или общественное признание, — я считаю самыми серьезными ошибками. На мой взгляд, когда о человеке говорят "состоялся", это означает, что он остановился в развитии. Я всегда стремилась непрерывно меняться и расти, чтобы не застыть на месте, любясь собой. Если бы у меня была жизнь, чтобы прожить ее заново... я бы работала на анархизм с той же преданностью и уверенностью в его окончательной победе»[346].

Упорство в преодолении трудностей и неудач было критерием, по которому Гольдман (как и Бакунин) оценивала успехи анархистов. Революционная деятельность часто терпит фиаско. Этот факт невозможно игнорировать, равно как и не стоит сбрасывать со счетов настойчивость анархистов. Анархистские движения всегда были выше неудач и компромиссов, продолжая настаивать на либертарных преобразованиях.

Возможно, сама стойкость, проявленная анархистами, и объясняет небывалый интерес к анархизму в современном мире. Регулярные волны народного внепартийного горизонтального активизма, накатывающие с конца 1990-х годов, способствовали тому, что анархизм сегодня привлекает к себе более пристальное внимание, чем когда-либо. Существует масса оценок восприимчивости к анархизму левых радикалов и революционных движений, анархистского влияния на ценности, установки, практики и творческую эстетику современных активистов, и эти оценки множатся. Хорошо заметны анархистские ресурсы в интернете, быстро расширяются библиотеки профильной научной литературы. Анархисты продолжают спорить об идеологических основаниях новейших социальных движений,

однако мало кто сомневается в том, что в низовом активизме произошли изменения, особенно после падения Берлинской стены и развала советского блока. Заметные движения левых — от «Антифа» до восстания сапатистов — регулярно обсуждаются в их взаимосвязи с анархизмом. В 1968 году, вопреки позиции ортодоксального марксизма, Даниэль Кон-Бендит высказал предположение, что анархизм заслуживает признания как важное течение в левой политике. Но даже при такой поддержке анархизм в основном оставался в тени. В 1970-х годах Кэрол Эрлих прокомментировала такое положение, указав на то, что пресса пишет об анархизме «либо негативно, либо вообще никак». Поэтому неудивительно, что в основу доклада под названием «Кровь цветка» (Blood of the Flower), сделанного в 1971 году Кэти Левин и Мэриан Лейтон для анархо-феминистской ассоциации «Черная роза», легли раскопки архивных материалов. Защищая «наивное» решение «Черной розы» отвергнуть основные элементы левого мейнстрима — патриархального, организованного, авангардистского движения, — Левин и Лейтон призвали аудиторию открыть для себя «иную цельную радикальную традицию, которая идет вразрез с марксистско-ленинской теорией и практикой на протяжении всей истории современного радикализма». Эта традиция простиралась «от Бакунина до Кропоткина, от Софьи Перовской до Эммы Гольдман, от Эррико Малатесты до Мюррея Букчина». Она была «не так известна среди большинства радикалов, поскольку более организованные государственные и марксистско-ленинские структуры постоянно искажали ее и неверно интерпретировали»[347]. Как тогда, так и сейчас об анархизме по-прежнему пишут в негативном ключе, однако спустя 50 лет радикалы, по крайней мере, могут познакомиться с традициями, которые Левин и Лейтон помогли открыть заново.

В современных условиях звезду анархизма на новые высоты вознес лидер Рабочей партии Курдистана Абдулла Оджалан. На основе его адаптации коммунизма Мюррея Букчина возник конституционный проект, инициированный курдскими силами в северных районах Сирии. В 2014 году в кантонах Рожавы — Африне, Кобани и Джазире — была принята временная конституция, а в 2016 году последовало провозглашение Демократической Федерации Северной Сирии (Рожавы). Решение было принято 200 делегатами от кантонов Рожавы и согласовано с представителями арабов, ассирийцев, сирийцев, армян, туркмен и чеченцев, проживающих в соседних районах Эт-Тель-эль-Абьяд, Шаддади, Алеппо и Шахба. Эти события вдохнули жизнь в концепцию социальной экологии Букчина, оживив «революционные» знания действием, как выразился сам Оджалан[348]. Для курдского движения Оджалан — культовая фигура, и, будучи приверженцем идей Букчина и других мыслителей, он успешно развернул масштабный анархический эксперимент, продемонстрировав, что зона влияния анархизма не ограничивается теми, кто называет себя его сторонниками. Конечно, обстановка в революционной Рожаве далека от спокойной, и доминирующие военные державы откровенно игнорируют мирный «Проект демократической Сирии»[349], предложенный TEV-DEM (коалицией, управляющей регионом Демократическая Федерация Северной Сирии), и все же этот значимый мультикультурный низовой самоуправляемый конфедеративный проект реально работает на местах и даже распространяется на более широкую территорию. Это ли не анархия в действии? Слова Оджалана о том, что «альтернативная свободная жизнь — это не новые формы производства или устойчивые общества, а такая жизнь, которую общины сами строят для себя в ежедневном формате», безусловно, перекликаются с анархистским мышлением. И анархическая реальность, построенная по этому принципу, может существовать в любом

другом месте.

О чем свидетельствует непотопляемость анархизма с точки зрения перспектив анархии? В заключительном разделе я рассмотрю этот вопрос, описав фундаментальную дилемму анархизма, а также стратегии поиска ее решения.

Версия #1

Зверобой создал 11 апреля 2025 15:58:27

Зверобой обновил 11 апреля 2025 16:00:05